

Юрский и Шагал

Известный российский актер, режиссер, писатель, «Остап Бендер» на все времена Сергей Юрский приехал на «Славянский базар в Витебске» не с пустыми руками. Привез для гостей фестиваля спектакль «Полеты с ангелом. Шагал», в котором он выступил сразу и как режиссер, и как актер.

— Сергей Юрьевич, вы приехали на «Славянский базар в Витебск» со спектаклем 10 лет назад. Многое за это время изменилось. А чем впечатлил вас нынешний фестиваль?

— Признаться, я не живу миром шансона, рока и других направлений, с которым выступают на фестивале различные группы и исполнители. Поэтому фестиваль меня прежде всего интересует как событие не сценическое, но городское, республиканское и даже международное — название «Славянский базар» все-таки обязывает. И если в прошлый раз меня больше всего впечатлил парад военных оркестров из разных стран по улицам города, то в этом — дом Шагала на Покровской, 11. Замечательный памятник, похожий на театральное представление. Маленькие, но очень содержательные редкие фотографии. И невероятная атмосфера того времени — атмосфера пристойной бедности, в которой родился и жил великий художник.

— В чем особенность спектакля «Полеты с ангелом. Шагал»?

— Пьеса написана стихом. Правда, стихом свободным. Он не требует большого напряжения от зрителей и актеров, но некоторая сосредоточенность здесь все-таки необходима. Любопытно, что это скрытый музыкальный спектакль, и в спектакле принимает участие целый оркестр как действующее лицо.

Труппа нашего спектакля состоит из актеров пяти московских театров, поэтому организация гастролей спектакля очень непростая. Но мы играли его помимо Москвы — в Екатеринбурге, Воронеже, Новосибирске, Петербурге, шести городах Израиля. Мне было интересно, как люди в разных местах реа-

гируют на этот спектакль, насколько отличаются отношения зрителей с главным героем. На всех представлениях — аншлаги. Спектакль воспринимается замечательно. Я бы хотел играть его еще один сезон. Больше, думаю, не выдержу — это большая нагрузка.

Спектаклю год. Изначально было решено, что второй сезон завершим показом в Витебске, городе, который Шагал пронес в сердце через всю жизнь.

— Сергей Юрьевич, вы один из знаменитых чтецов в России. А может ли сегодня чтец даже с самым громким именем гастролировать по стране и собирать залы?

— Продолжаю деятельность чтеца, но сократил ее с возрастом. Держать в одиночку зал только словом очень тяжело. Были годы, когда я объездил с концертами весь Советский Союз от Бреста до Курилы. И везде к таким выступлениям был интерес. Чем это вызывалось? Конечно, таким явлением, как цензура. Ограничения делали людей жадными до художественных впечатлений. Они хотели знать, что находится за пределами того, что разрешено и рекомендовано. И в надежде услышать что-то новое, приходили на концерты, встречи, выступления.

— Сергей Юрьевич, у вас был опыт работы на Западе. Насколько отличается публика там и здесь?

— Действительно, мне случилось работать в других странах. Я был актером в театрах Парижа и Брюсселя, дважды ставил спектакли в Японии. И могу сказать, что это абсолютно другой мир. Чаще всего мы стараемся почувствовать их школу и предложить наш театральный опыт. Совпадают ли они? Нет. И приходится выбирать.

Но сейчас мне не хотелось бы

дальше продолжать работу за границей — хотя бы потому, что на это нет времени. Месяцы, иногда даже годы жизни за рубежом я вспоминаю с восторгом! Но там другая потребность зрителя, которая нам часто непонятна. А им непонятны наши потребности. Мы не лучше их и не хуже — просто они совершенно другие люди. Это надо уважать, если можно, любить. Работать в такой обстановке надо честно — либо отдаться целиком, либо делать спектакли для своих зрителей.

— Как вы относитесь к утверждению, что театр — искусство грешное?

— Сама жизнь наша грешная, а театр отражает эту жизнь. Мнение, будто театр — искусство грешное, сугубо церковное. Долгое время

Церковь смотрела на театр, да и другое искусство как нечто низменное и отвратительное. Даже сегодня в Русской церкви встречаются люди, которые пытаются отсоединить православие и культуру, под которой имеется в виду сегодняшний способ мышления, современные художественные явления. Но эти попытки вызывают раздражение с обеих сторон. Я никогда не скажу, что служу греху и 57 лет, играя на сцене, нарушаю заповеди. Для меня мое служение свято. Считаю театр не только не грешным, а великим занятием просветительства.

— Пересматриваете ли вы фильмы со своим участием?

— Для себя не пересматриваю. Но иногда это случается по причине того, что нужно для чего-то вер-

нуться к ним. Или потому, что их показывают как фильмы, ставшие народными. Считаю за счастье быть связанным с такими фильмами. Народными картины становятся не так часто.

— Каково ваше отношение к критике?

— В молодые годы критика обращала на меня активное внимание. Не только на меня — на все мое поколение, которое пришло в театр и кинематограф в послесталинское время. Тогда мы были в поле зрения. После моего переезда из Питера в Москву, 37 лет назад, мои отношения с критикой стали условными, возможно, потому, что и критика как таковая, как жанр стала исчезать. Критика стала зависеть от заказа главного редактора или заказа самого критикуемого. Но настоящая художественная критика так существовать не может — она должна быть свободна и органична.

— Следите ли вы за событиями в соседней Украине и что думаете насчет происходящего?

— Слежу ежедневно и с каждым разом нахожу все меньше ответов на возникающие вопросы. Я совершенно перестал понимать происходящее. Волнует ли меня ситуация на Украине? Бесконечно. Тревожусь ли я? Безусловно. Все эти города, места, люди мне знакомы. У меня не исчезает чувство ужаса. Потому что и Киев, и Донецк, и Ивано-Франковск, и весь Крым — в какой-то мере и мои города, а уж тем более мои зрители и мои сотоварищи.

— Знаю, у вас есть маленькие внуки. Какие у вас с ними отношения?

— Замечаю, что люди, родившиеся после 2000 года, — это какие-то совершенно другие люди. Они генетически впитали что-то иное. У меня есть внуки, я их люблю, и они меня любят. Но я не могу не заметить, что они уже другие. И даже передавать им наши способы познания жизни — не получается. И я по этому поводу тоже немного тревожусь.

